

Раздел 2

Русская лирика XIX века в свете жанровой рефлексии

В. С. Баевский, И. В. Марусова

г. Смоленск

Жанры-сюзерены и жанры-вассалы в творческой биографии Пушкина

Академик Д. С. Лихачев, говоря о жанровой системе древнерусской литературы, отметил как ее характерную особенность сложные структурные взаимоотношения жанров. Он выделил особые жанры, объединяющие другие жанры, как например, четьи-минеи, патерики, летописи, – и назвал их «жанры-сюзерены». В состав этих жанров включаются первичные жанры (исторические повести, жития, грамоты, поучения и др.) – «жанры-вассалы». Жанры, таким образом, составляют своеобразную иерархическую систему. «Можно было бы сказать, что средневековая литература и построена как некое войско: роды оружия группируются в основные объединения, входят в состав более крупных и т. д.» [1, с. 338].

Жанровая система древнерусской литературы коренным образом отличается от жанровой системы литературы XIX века, однако в литературе нового времени существует соответствие делению на жанры-сюзерены и жанры-вассалы. В творчестве Пушкина присутствуют первичные жанры – ода, элегия, баллада, дружеское послание, сатира, но все они объ-

единяются в единый корпус лирики, который противостоит поэме, роману в стихах, драме, художественной и нехудожественной прозе. Лирика, таким образом, может рассматриваться как жанр-сюзерен. Жанры-сюзерены в творчестве Пушкина выделяются традиционно. Этому принципу следовали составители Большого и Малого академических собраний сочинений Пушкина, где отдельные тома и части томов включают корпуса лирики, поэм, романа в стихах, прозаических художественных и прозаических нехудожественных произведений.

В основе данной работы лежит аксиоматический метод. Ранее он применялся в литературоведении при анализе стихосложения [2]. Мы применяем его для выяснения некоторых закономерностей творческого пути Пушкина.

Эволюция жанровой системы Пушкина может быть описана с помощью двух аксиом: 1) в каждом новом периоде творческой биографии Пушкин овладевал новым жанром-сюзереном; 2) при этом в творчестве Пушкина сохранялись прежние жанры-сюзерены.

Первый период творчества Пушкина – лицейский (1813 (в этом году написано первое дошедшее до нас стихотворение Пушкина «К Наталье») – 1817). Стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» и «Городок» становятся для поэта своеобразным экзаменом на овладение поэтическими традициями оды и дружеского послания перед лицом старшего поколения. Здесь и в дальнейшем мы называем только некоторые немногие значительные произведения. Жанр-сюзерен, освоенный Пушкиным в первый период творческого пути, – лирика. Предыдущего по отношению к этому периода творчества у Пушкина не было, поэтому и освоенных ранее жанров-сюзеренов не было тоже.

Следующий период биографии Пушкина – петербургские годы между окончанием лица и ссылкой (1817–1820). В эти годы в его творчестве появляется новый жанр-сюзерен – поэма. Данный жанр-сюзерен представлен жанром-вассалом – предромантической поэмой «Руслан и Людмила». При этом сохраняется прежний жанр-сюзерен – лирика («Вольность», «Деревня», «К Чаадаеву»).

В годы южной ссылки лирика и поэмы Пушкина становятся известны всей читающей России. Элегия «Погасло дневное светило...» открыла в русской поэзии эпоху высокого романтизма. Пушкин продолжает работать над жанром-сюзереном поэмы, видоизменяя его в соответствии с требованиями высокого романтизма (байронизма), и создает романтические поэмы «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан». В творчестве Пушкина сохраняются прежние жанры-сюзерены – лирика

и поэма. Новый жанр-сюзерен, который добавляется в это время, – роман в стихах. Этот жанр был новым не только для самого Пушкина, но и для всей русской литературы. Пушкин, построив роман как дружескую беседу персонажей, беседу автора с персонажами или с читателем, впервые ввел в поэзию прозаические темы, передал в стихах живую разговорную речь. В этот жанр-сюзерен вошли такие жанры-вассалы, как элегия, баллада, письмо.

1824–1826 годы Пушкин провел в ссылке в Михайловском. Здесь сохраняются прежние жанры-сюзерены: лирика («К морю», «Я помню чудное мгновенье...», «19 октября»), поэма (жанр-вассал романтической поэмы представлен «Цыганами», жанр-вассал поэмы реалистической – «Графом Нулиным»), продолжается работа над романом в стихах. Ю. М. Лотман отмечал, что Рылеев призывал Пушкина написать поэму о Псковской республике [3, с. 126–127]. Однако Пушкин стремится овладеть новым жанром и вместо поэмы в декабристском духе пишет «Бориса Годунова». Новый жанр-сюзерен – драма – представлен жанром-вассалом – шекспировской трагедией.

Следующий период – 1826–1830 годы – может быть назван «Навстречу женитьбе». Сохраняются все прежние жанры-сюзерены: лирика («Поэту», «Арион», «Стансы», «Дорожные жалобы»), поэма («Полтава»), завершен роман в стихах, написаны «Маленькие трагедии». Осенью 1830 года Пушкин впервые создает завершенное прозаическое художественное произведение – «Повести Белкина». В его творчество входит новый жанр-сюзерен – художественная проза.

1831–1836 годы могут быть названы «Навстречу смерти». Пушкин пишет лирику («Песни западных славян», каменноостровский цикл), последнюю поэму «Медный всадник» – художественное исследование исторических судеб России, русской государственности. Особый первичный жанр образуют сказки, написанные в 1830–1834 годах, «сказочные поэмы того же типа, что и “Руслан и Людмила”, – лирически окрашенные, со сказочными мотивами» [4, с. 413]. Пушкин возвращается к роману в стихах, в 1831–1832 годах существенно его дорабатывает и подготавливает его переиздания в 1833 и январе 1837 года в одном томе. Поэт работает над трагедией «Русалка» и «Сценами из рыцарских времен». В прозе размышления над историческими судьбами России отразились в романе «Капитанская дочка» – итоговом прозаическом произведении Пушкина. В 1834 году выходит в свет «История Пугачева» – научный труд, для которого Пушкин кропотливо собирал материалы в архивах, предпринял поездку на Урал, чтобы услышать и записать рассказы оче-

видцев пугачевского восстания. В творчестве Пушкина появляется новый жанр-сюзерен – историческая нехудожественная проза «История Пугачева». Идет работа над историей Петра Великого.

Таким образом, на протяжении всего творчества Пушкин последовательно овладевает жанрами-сюзеренами лирики, поэмы, романа в стихах, трагедии, художественной прозы, исторической нехудожественной прозы. При этом, овладевая новым жанром-сюзереном, поэт продолжает работу над уже освоенными жанрами, насыщая их новым содержанием и совершая новые художественные открытия.

Жанр-сюзерен включает в себя жанры-вассалы, которым можно дать следующее определение: жанр – это проекция внелитературного материала на литературу. Так, торжественная ода представляет собой проекцию на литературу хвалебной ораторской речи (что показал Ю. Н. Тынянов в статье «Ода как ораторский жанр»). Жанр элегии восходит к древней надгробной песне. Жанр пушкинского «Евгения Онегина» – роман в стихах – восходит, по-видимому, к дружеской беседе, что подчеркивал сам Пушкин в письме А. А. Дельвигу от 16 ноября 1823 года: «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь донельзя». Он же отмечал, что внелитературный материал перерабатывался в «Евгении Онегине» под влиянием жанровой традиции, идущей от поэмы «Беппо» и романа в стихах «Паломничество Чайльд-Гарольда» Байрона.

«Пушкин был историком там, где не думал быть им и где часто не удастся стать им настоящему историку. *Капитанская дочка* была написана между делом, среди работ над пугачевщиной, но в ней больше истории, чем в *Истории пугачевского бунта*, которая кажется длинным объяснительным примечанием к роману» [5]. И «История Пугачева», и «Капитанская дочка» основаны на документальном материале. Множество эпизодов «Капитанской дочки» имеет параллели в тексте «Истории Пугачева». Сравнивая эти произведения, мы можем видеть, как внелитературный материал проецируется на литературу, входит в нее и видоизменяется под воздействием жанровой традиции.

Различия ярко проявляются при создании образа Пугачева, который находится в центре обоих произведений. Он по-разному вводится в текст. В «Истории Пугачева» рассказывается о неизвестном бродяге, донском казаке и раскольнике Емельяне Пугачеве, который шатался по казачьим дворам и подбивал казаков на мятеж. После побега из тюрьмы Пугачев оказывается на хуторе, где совещаются мятежники. «Самозванство показалось им надежною пружиною. Для сего нужен был только прошлец, дерзкий и решительный, еще неизвестный народу» [6]. Пугачев не является

активной личностью; он лишь благодаря случаю занимает место, подготовленное течением исторического процесса: «Все предвещало новый мятёж. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался» (IX; 12).

В «Капитанской дочке» Пугачев возникает в метельном вихре. Метель связывается с представлением о нечистой силе как в народной мифологии, так и в собственном творчестве Пушкина. Описание метели в «Капитанской дочке», как отмечает Г. П. Макогоненко в книге «Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833)», имеет почти дословные текстовые переключки со стихотворением Пушкина «Бесы». В «Истории Пугачева» метель также упоминается в связи с Пугачевым: Пугачев нападает на отряды Голицына ночью, в сильный буран (IX; 47). Однако здесь буран не описан подробно и не несет в себе символического значения, как в «Капитанской дочке». Акцент переносится на тактическую хитрость военачальника.

С появлением Пугачева связан мотив оборотничества: «Воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек» (VIII; 288).

Связь Пугачева с казачьим бунтом обнаруживается из иносказательного разговора с хозяином умета: «В огород летал, конопки клевал; швырнула бабушка камушком – да мимо. <...> Будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов» (VIII; 290). Тайный «воровской» язык, на котором беседуют Пугачев и хозяин постоянного двора, имеет прямую связь с фольклором.

Подробно описывая внешность самозванца в «Истории Пугачева», Пушкин упоминает «знаки на грудях». Здесь они с самого начала получают реалистическую мотивировку: это следы болезни. В «Капитанской дочке» их происхождение никак не объясняется: «А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой персону его» (VIII; 329). Демонстрация таинственных знаков наряду с необыкновенной выносливостью в парной для казаков становится неоспоримым доказательством царского происхождения Пугачева, переключаясь с архаическими представлениями о личности царя.

Бердская слобода, «резиденция» Пугачева, описана в «Истории Пугачева» как «вертеп убийств и распутства»: «Лагерь полон был офицерских жен и дочерей, отданных на поругание разбойникам. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами расстрелянных, удушенных, четвертованных страдальцев» (IX; 27). В «Капитанской дочке» нет описаний жестокости и разврата. Однако Бердская слобода –

место, в котором идет бесконечный пир-оргия: «Во всех избах горели огни. Шум и крики раздавались везде. На улице я встретил множество народу...» (VIII; 346).

Противоречивость характера Пугачева отражена в обоих произведениях. Пугачев в историческом произведении не лишен сострадания: он милует Кармицкого «под самой виселицей» (IX; 27), а во время беседы с академиком Рычковым плачет вместе с отцом, горюющим об убитом сыне (IX; 78). Однако наряду с этим в «Истории Пугачева» описана жестокость самозванца по отношению не только к противнику, но и к своим соратникам (убийство Лысова), и к случайным жертвам восстания: «Пугачев... встретил астронома Ловица и спросил, что он за человек. Услыша, что Ловиц наблюдал течение светил небесных, он велел его повесить *поближе к звездам*» (IX; 75). В «Истории Пугачева» упоминается ряд убийств, совершенных ради собственной выгоды или по прихоти, и таких же необоснованных помилований: в одинаковой ситуации, когда гарнизон ходатайствует за офицеров, Пугачев милует Башарина, но казнит Харлова и защитников Нижне-Озерной крепости.

В «Капитанской дочке» в образе Пугачева также соединяются жестокость и милосердие. Однако милость по отношению к Гриневу проявляется более последовательно, чем в аналогичных случаях в «Истории Пугачева». Здесь роман испытывает влияние жанра волшебной сказки.

В. Я. Пропп, анализируя структуру волшебной сказки, выделяет ряд постоянных функций, которые формируют повествование. Повествовательная структура «Капитанской дочки» во многом соответствует структуре волшебной сказки. С этой точки зрения отношения Гринева и Пугачева напоминают отношения героя и дарителя: даритель испытывает героя. Если герой ведет себя правильно (помогает терпящему бедствие, выполняет просьбу дарителя, вежливо и правдиво отвечает на вопросы и т. д.), то испытание пройдено, и даритель вознаграждает героя. В «Капитанской дочке» можно выделить различные типы испытания: беспомощное состояние без произнесенной просьбы (Пугачев зябнет в мороз в одном армяке) и выпрашивание героя дарителем (Пугачев задает Гриневу вопросы на пиру). Таким образом, помощь Пугачева имеет отправной точкой правильное поведение Гринева (вознаграждение вожатого, честные ответы на вопросы, смелость и искренность, оказанные молодым человеком).

Речь Пугачева в романе тесно связана с фольклором, насыщена пословицами и поговорками. Эпиграфом к главе «Вожатый» служит отрывок

из рекрутской песни. Первые слова Пугачева в этой главе близки к тексту эпиграфа. Далее Пугачев рассказывает Гриневу поучительную сказку.

В «Истории Пугачева» пословицы в речи самозванца почти не звучат. Можно привести лишь несколько примеров выразительной речи Пугачева, близкой к народной. Во время осады Нижне-Озерной крепости Пугачев ехал впереди войска, и старый казак остерег его. «Старый ты человек, – отвечал самозванец. – Разве пушки льются на царей?» (IX; 18). Эти слова подтверждают его право на царский сан в глазах соратников. Тяготясь властью, которую имели над ним яицкие казаки – организаторы мятежа, Пугачев говорит Денису Пьянову: «Улица моя тесна» (IX; 27). Эту фразу Пушкин дословно переносит в роман, однако помещает в иной контекст. Пугачев говорит Гриневу о своей несвободе, тогда как вчерашний совет с Хлопушей и Белобородовым подтверждает обратное: Пугачев прислушивается к товарищам, но решение принимает самостоятельно. После разгрома восстания, на допросе у графа Панина, Пугачев говорит: «Я не ворон..., я вороненок, а ворон-то еще летает» (IX; 78). В этих словах заключается, по объяснению Пушкина, попытка оправдаться, сославшись на распущенный казаками слух о том, что Пугачев и самозванный Петр Федорович – разные люди. В то же время в них заключена скрытая угроза, намек на будущие народные возмущения.

Таким образом, в «Капитанской дочке» к строгой документальной основе добавляется влияние фольклорных жанров (волшебной сказки, песен, пословиц, загадок) и народных представлений о нечистой силе. Сочетание этих тенденций образует жанр исторического романа.

Мы установили, что в каждый из шести периодов, на которые естественно делится творческий путь Пушкина, Пушкин осваивает новый большой жанр-сюзерен, не оставляя, а продолжая разрабатывать жанры-сюзерены, освоенные в предыдущие периоды творчества. Таким образом, из нашего исследования необходимо сделать вывод: жанровый кругозор Пушкина на протяжении его творческого пути все более расширяется, и происходит это в определенном ритме.

-
1. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избр. работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 1.
 2. Например: *Jakobson R., Lotz J. Axiomatik eines Verssystems am mordwinischen Volksslied dargelegt: Thesen zu einem Vortrag im Ungarischen Institut. Stockholm, 1941; Колмогоров А. Н., Прохоров А. В. К основам русской классической метрики // Содружество наук и тайны творчества. М., 1968.*
 3. *Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л., 1983.*
 4. *Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. М., 1959.*

5. *Ключевский В. О.* Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г., в день открытия памятника Пушкину // Ключевский В. О. Литературные портреты. М., 1991.
6. *Пушкин А. С.* История Пугачева // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 9. М.; Л., 1938. С. 14. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в круглых скобках; римскими цифрами обозначается номер тома, арабскими – номер страницы.

Д. Н. Жаткин
г. Пенза

К вопросу о развитии жанра идиллии в пушкинскую эпоху

Говоря о внутренней близости античной идиллии и русской идиллии пушкинского времени, следует отметить традиционный для идиллического жанра, восходившего своими истоками к «дорийским» народным сельским песням, интерес к простому человеку и его ценностям, выбор в качестве героев живущих в шалашах и занятых каждодневными заботами пастухов и пастушек, предпочтение духовного умиротворения и успокоения, создание картин благожелательной к людям летней природы, на лоне которой происходит действие, а также внимание к повседневной, не отличающейся событийностью сельской жизни, затуманенность социальной стороны бытия, описание равенства людей, осознающих свою сопричастность естественному началу, живущих в мире добра и благородных чувств, стремящихся доставить друг другу удовольствие исполнением песен. Уже в произведениях Феокрита упомянуты неотделимые от дальнейшего развития идиллического жанра «атрибуты» пастуха – свирели, овечки (козочки), венки: «...во имя любви своей новой / <...> двери венками украсить» (II идиллия «Колдуньи»); «Вырезал сам я свирель – хороша, с девятью голосами!» (VIII идиллия «Пастухи-певцы Дафнис и Меналк»); «Темен цветочек фиалки и цвет расписной гиацинта, / Первой красую венков их, однако же, каждый признает. / Козочка ищет травы, и гоняется волк за козую» (X идиллия «Работники, или Жнецы») [1] и др. Указанные атрибуты сохранились за пастухом и в литературе нового времени, в том числе – в русской пасторалистике конца XVIII – первой трети XIX веков: «Овечки кроткие гуляют / И щиплют травку на лугах, / <...>